

«Я не знаю ни одного писателя, кроме Грэма Грина, представление о котором, составленное только на основании его книг, так бы соответствовало его реальному облику», — сказал в одном из интервью Габриэль Гарсиа Маркес, признающий, что многим тайнам писательского мастерства он научился у автора «Тихого американца».

И мне доставляет истинное удовольствие присоединиться к мнению одного классика современной литературы о другом. Я давно полюбил романы Грэма Грина, позже мне довелось написать несколько статей о нем и предисловий к русским переводам его книг — так что составил себе определенное «книжное» представление об этом прославленном писателе. Познакомиться же лично с ним представилась возможность в сентябре прошлого года, когда он прилетел в Москву, как потом сам выразился, «после слишком долгого отсутствия» длиною более чем в 20 лет.

В тот его сентябрьский приезд я несколько раз встречался с Грэмом Грином, беседовал с ним, брал интервью. А в феврале нынешнего года испытал радость постоянного общения с писателем в течение девяти дней, когда он вновь прибыл в нашу страну для участия в международном форуме «За безъядерный мир, за живяние человечества». Он выразил активную поддержку миролюбивой внешней политике Советского Союза, со всей определенностью высказался за конструктивные предложения М. С. Горбачева, направленные на освобождение человечества от ядерных вериг. На форуме присутствовало множество «звезд» первой величины, сияющих на небосклоне мирового искусства. Но именно Грэму Грину единодушно предоставлено было право выступить в Большом Кремлевском дворце от имени «круглого стола» деятелей культуры на встрече с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Авторитетнейший писатель-католик говорил тогда, в частности, о необходимости расширения диалога и роста взаимопонимания между католиками и коммунистами, между Западом и Востоком.

В зарубежной печати раздались потом голоса, упрекавшие его за то, что он «дал себя использовать» в интересах кремлевской пропаганды. Но писатель исчерпывающе ответил на подобные упреки еще в книге «Мое знакомство с генералом»: «Я всегда без колебания давал себя «использовать» ради дела, в которое верил...» Он верил в Торрихоса и его дело и потому дал ему возможность «использовать» себя. Он верит сейчас в сандинистское правительство Никарагуа, где сотрудничают коммунисты и католики. От имени этого правительства, которое высоко ценит моральную поддержку всемирно известного писателя, президент Д. Ортега недавно вручил ему медаль Рубена Дарио за высшие достижения в области литературы.

Как и другие деятели культуры, участвовавшие в форуме, Грин жил в московской гостинице «Космос». Каждый день мы ездили с ним по проспекту Мира. В этом было нечто символическое. Образно выражаясь, проспект Мира — та единственная верная дорога, по которой надлежит пойти человечеству, чтобы спасти свою цивилизацию и добиться ее расцвета. И сидя в машине с Грэмом Грином, я как-то подумал, что его творчество, отмеченное ясно выраженной гуманистической направленностью, и занимаемая им позиция помогают людям избрать именно эту перспективную дорогу, а не забрести в тупик ядерной войны.

Пользуясь случаем, я, конечно, много расспрашивал Грина о его взглядах на литературу, проверял свои наблюдения над его прозой. Записи одной из таких бесед предлагаются сегодня вниманию читателей.

— Мистер Грин, многим вашим романам предпосланы эпиграфы — чаще всего это строки ваших любимых поэтов. Как вы выбираете их — перед тем, как начать роман, или после того, как он уже завершен?

— Обычно после написания романа. Любопытный случай произошел с книгой «Знакомство с генералом». Мне хотелось найти для нее эпиграф, но у меня не было на примете подходящего. И вот случайно я раскрыл том Теннисона — а он не относится к числу моих самых любимых поэтов — и там в длинной поэме, которую прежде не читал, сразу же обнаружил строку, что как нельзя лучше устроила меня.

— Мне кажется, очень характерен для вашего мировосприятия выбор эпиграфа из Шарля Пегги к роману «Суть дела»: «Грешник постигает самую душу христианства... Никто так не понимает христианства, как грешник. Разве что святой». Не в этом ли «суть дела»?

А в автобиографическом повествовании «Вот такая жизнь» вы написали, что если бы искали для него эпиграф, то взяли бы слова о том, что нам особенно интересны «честный вор, нежный убийца, суеверный атеист...». Это, как и многие ваши книги, убеждает, что вам не чужда парадоксальность, причем вы любите не только парадоксальные истины в духе Оскара Уайльда и Бернарда Шоу, некоторые характеры, а иногда и целые произведения тоже строятся у вас по принципу парадокса. Итак, что означает для вас парадокс?

— Что касается эпиграфа, который вы упомянули, то там для меня особенно важна первая строка — о притягательности опасных граней вещей. Если же говорить о присутствии парадокса в моих произведениях, то, должен признаться, я не всегда прибегаю к нему умышленно, иногда это получается непроизвольно.

— То есть таким образом отражается парадоксальная природа реальности?

— Да.

— Помимо парадокса, вероятно, другое излюбленное ваше средство приближения к истине — диалог. Порою ваши романы походят на пьесы или сценарии...

— Возможно, тут сказывается влияние драматургии на прозу. Я написал около десятка пьес. (Как выяснилось, совсем недавно Грин завершил новую пьесу, которая получила название «Дом с репутацией». — С. Б.) Для меня диалог — это не статика, а форма действия. Я не люблю диалога ради диалога. Цель диалога, внешне даже самого простого, должна продвигать действие.

— Можно ли утверждать, что вы испытывали также влияние кино — в построении диалога, в монтаже, в подаче деталей «крупным планом»?

— В XIX столетии на романистов часто влияли живописцы. У Вальтера Скотта, например, описания занимают в романах большое место и напоминают картины в

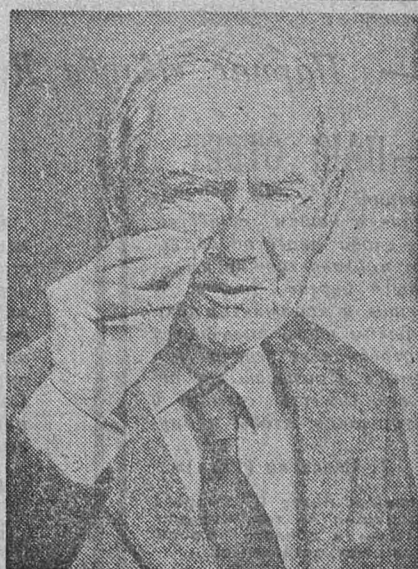

ФОТО А. КАРЗАНОВА

Авто
ПОРТРЕТ

Легче судить о других...

Грэм Грин рассказывает

духе Констебля или других художников той поры. В наше время кино несомненно оказывает влияние на литературу — прежде всего своей динамикой. Любое описание дается уже не статично, как в живописи, а как бы движущейся камерой. В этом одно из отличий писателя XX века от писателя века XIX.

— В ваших романах, при всей остроте их современности, важную роль играет литературная традиция. Мы находим в них реминисценции из Данте, Шекспира, Сервантеса. Тема Дон Кихота и донкихотства, по-видимому, давно волнует вас. Это проявилось не только в позднем романе «Монсеньор Кихот», но, пожалуй, и в «Суте дела»: ведь в майоре Скоби тоже есть черты Дон Кихота?

— Не думал об этом. Но если вы пришли к такому заключению, может быть, так оно и есть.

— Все же признайтесь, образ отважного испанского идагьо весьма привлекателен для вас?

— Конечно. Но в «Суте дела» у главного персонажа нет пары. У Скоби нет своего Санчо, как у монсеньора Кихота.

— А для вас, я заметил, важна не только правда Дон Кихота, но и правда Санчо Пансы, постоянно взаимодействующие друг в друга. Не стремлением ли к открытию этой «конечной» правды объясняется ваше движение к высокой простоте? Ибо раньше ваши романы были более усложненными по форме, изощреннее были метафоры...

— Сейчас я вообще стараюсь избегать метафор, прилагательных и наречий.

— Считаете ли вы себя реалистом?

— Полагаю, что меня можно считать таковым. Мне надоели утверждения английских критиков, будто я все время пишу о некоем «Гринленде», земле Грина. Но это вовсе не вымышленная земля, а вот эта наша земля, наш мир. Например, в «Тихом американце» я написал об убитом ребенке. Я ведь видел труп этого ребенка, и было это отнюдь не в «Гринленде»!

— Я считаю, что «Гринленд» — понятие скорее этическое, художественное, а не географическое.

— Конечно.

— У ваших романов часто очень «говорящие» названия, начиная с первого опубликованного — «Человек внутри» и вплоть до «Человеческого фактора». Можно ли сказать, что вас всегда интересует именно «человек внутри», будь то «тихий американец» или «наш человек в Гаване», «тайный агент» или «почетный консул», «комедиянт» или «монсеньор Кихот», если воспользоваться названиями ваших книг?

— Да, пожалуй.

— А можно ли считать, что название «Человеческий фактор» — своего рода кредо, ключ к вашей философии?

— Может быть. Поверьте, трудно анализировать собственное творчество.

— Но по крайней мере такое толкование близко к вашим взглядам?

— Несомненно.

— В ваших романах содержится немалая доза иронии, иногда вы прибегаете и к пародированию...

— В «Почетном консуле», к примеру, пародирует образ романиста Сааведры. Это комическая фигура, пародирующая слабые стороны некоторых латиноамериканских писателей. У Сааведры был прототип в действительности, но я не буду называть его имени.

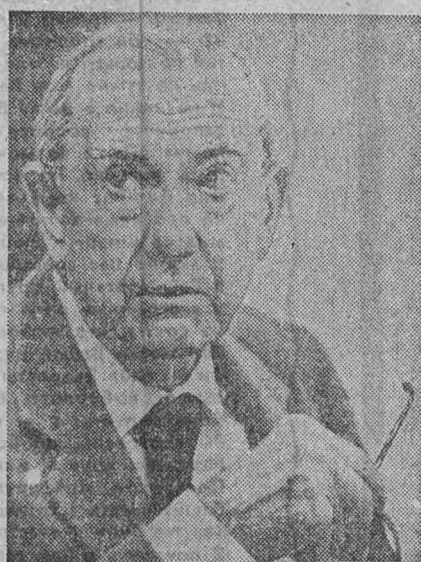
— Во всяком случае, вы не имели в виду Мигеля де Сервантеса Сааведра?

— Нет, конечно!

— В «Потерянном детстве» вы выразили мнение, что прочитанные книги оказывают исключительное влияние в юные годы. Что бы вы могли сказать о роли чтения вообще? Это начало вопроса, потом я его продолжу.

— Сам я читаю много. В среднем, думаю, книг семь в месяц. Художественной литературе предпочитают биографии, автобиографии, мемуары, книги по истории. Если взять беллетристику, то я стараюсь читать не романы, а определенных романистов — тех, кого уже знаю и ценю.

— Отличается ли писатель как читатель от читателя обыкновенного?

— Отличается.

— Означает ли это, что вы читаете скорее ради профессионального интереса, чем ради удовольствия?

— Нет, читаю в первую очередь для удовольствия. Я получил докторскую степень в Оксфорде по истории и долго не брал потом в руки книг по истории: был пересыщен ими. А со времени войны история вновь приобрела для меня важное значение.

— Представляете ли вы себе мысленно какой-нибудь образ читателя, когда работаете над книгой?

— Нет. Пишу для себя. Я свой главный читатель и критик.

— Вы считаете писательство автотерапией. Но в силу социальной значимости литературной профессии вы помогаете своим искусством не только себе, но и обществу.

— Этого я не знаю.

— Еще вы как-то называли писательство своего рода болезнью. Можно добавить — благородной болезнью. Украшает или усложняет эта болезнь вашу жизнь?

— Я счастлив, когда работаю над книгой, которая удалась. И я несчастлив, когда не пишу или когда книга не удалась.

— Умеете ли вы «жить, чтобы жить», просто радоваться жизни или всегда относитесь к ней как к материалу для будущего романа?

— Нет, нет, я не занимаюсь постоянным сбором материала.

— Ваши книги пронизывает озабоченность несовершенством современного мира. Чрезвычайно важная вещь для вас и ваших героев — сострадание...

— Да, и разница между состраданием и жалостью. Потому что в жалости есть оттенок превосходства одного над другим. А сострадание — чувство, объединяющее равных.

— Свообразие вашей писательской манеры нередко обусловлено сплавом несоединимых, казалось бы, элементов — таких, как комическое и трагическое.

— Больше всего я люблю в драматургии сочетание фарса и трагедии. Мне кажется, именно фарс, а не комедия хорошо сочетается с трагедией.

— Но такое у вас встречается и в прозе — скажем, в романе «Наш человек в Гаване», где фарс служит увеличительным стеклом, помогающим лучше разглядеть некоторые трагические аспекты жизни.

— Да, вы правы.

— Одна из ваших ранних книг озаглавлена «Это поле боя»...

— По-моему, первая приличная книга...

— Так вот, трагедия там заключается в том, что каждый видит лишь часть поля боя, а не целиком. Ваши романы в совокупности позволяют как раз увидеть все «поле боя» — то есть наш меняющийся мир. Преследовали ли вы такую цель — помочь его увидеть?

— Не знаю, право, было ли это моей целью. Возможно, такое желание и присутствует в моих книгах. Но, как я уже сказал, чрезвычайно трудно анализи-

вать собственное творчество. Гораздо легче судить о других.

— Ваши книги очень разные. Но вместе с тем есть между ними глубокая внутренняя связь, их объединяет общая атмосфера, в первую очередь нравственная — она-то и дает основание говорить о существовании «Гринленда».

— Да, но часто это слово толкуют превратно.

— В послесловии к «Тихому американцу» я написал, что хотя вы избегаете «поислений» в своих книгах, тем не менее доказывается в них ряд важных этических теорем. И одна из самых важных, на мой взгляд, вложена в уста коммуниста Хена в вашем «вьетнамском» романе: «Рано или поздно человеку приходится встать на чью-нибудь сторону. Если он хочет остаться человеком».

— Это оправдание для меня. Но дело в том, что человек часто не знает, когда ему придется делать свой выбор, вставать на чью-либо сторону.

— Позвольте вновь коснуться названий ваших произведений. В данном случае хотелось бы вспомнить публицистический очерк «Я обвиняю». По-моему, в этих заимствованных у Золя словах выражена суть многих ваших книг. Такой подзаголовок вполне мог бы быть у «Комедиантов» или у «Доктора Фишера», не говоря уж о «Тихом американце»...

— Да, это так.

— Хотя некоторые ваши книги окрашены скептицизмом, вас можно, думается, назвать оптимистическим пессимистом.

— Что ж, пожалуй. Так же, как я называю себя католиком-агностиком.

— Я вижу на вашем столе раскрытый перевод «Анны Карениной»...

— Да, я взял ее с собой. Захотелось в третий раз перечитать эту книгу именно здесь, в России.

— Известно ваше в высшей степени уважительное отношение к корифеям русской литературы XIX века. По вашим словам, объяснить, почему ты любишь того или иного писателя, столь же трудно, как объяснить, почему ты любишь женщину. Но попробуем все же разобраться, почему из всех русских классиков наиболее близок вам оказался Чехов? Не из-за его ли емкого лаконизма, к какому и вы стремитесь теперь в своих книгах?

— Скорее всего, причина в этом. Обычно я с большей охотой читаю романы, а не рассказы. Но Чехов — исключение. Его пьесы и рассказы — любимое мое чтение из русской литературы.

Такой же, как и Грэм Грин, неортодоксальный католик — французский ученый-палеонтолог Пьер Тейяр де Шарден написал в прологе к своей знаменитой книге «Феномен человека»: «Существовать полнее — это все больше объединяться... Единство возрастает лишь на основе возрастания сознания, то есть видения... Стремиться видеть больше и лучше — это не каприз, не любопытство, не роскошь. Видеть или погибнуть. В такое положение поставлено таинственным даром существования все, что является составным элементом универсума. И таково же, следовательно, но на высшем уровне, положение человека...»

Грэм Грин постоянно стремится видеть больше и лучше, запечатлевая это в своем искусстве. Тем самым он содействует более полному существованию человечества, его объединению.

Когда писатель улетал из Москвы, на память я подарил ему каслинского литая фигурку Дон Кихота с книгой в руке. Ибо есть в нем самом что-то от доблестного странствующего рыцаря. Рыцаря литературы.

Вел интервью
Святослав БЭЛЗА